

16+

Евгений Львович Каплан

Вологодские рассказы

ироническая проза

Евгений Львович Каплан

Вологодские рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48014330

SelfPub; 2019

Аннотация

Если вам нравятся иронические путевые заметки в стиле Джерома К. Джерома, если вы ностальгируете по замечательным советским временам или хотите узнать о них побольше, то эта книга для вас. Книга основана на подлинных событиях, действие происходит в 80-х годах. Околонаучная экспедиция под предводительством всезнающего и близкого к народу профессора Литовки за казенный счет путешествует на ржавом буксире по просторам Вологодской области. В пути с нами происходят самые удивительные и поучительные приключения.

Содержание

Петрович и другие	4
Рыцарь без страха и упрека	8
Сухона	12
На родине предков	16
Кубенское озеро и трудности кораблевождения	20
О пользе и опасностях утренней физзарядки	24
Коварный доцент	28
Петрович – гроза ершей	33
Отвальная	36

Петрович и другие

В начале 80 – х наш директор, приснопамятный Сигов Ив-глаф Иванович, задумал создать в Вологде филиал Института социально – экономических проблем АН СССР. В конце июня (самое подходящее время для творческих командировок) была сформирована чрезвычайная и полномочная делегация, которую возглавил д.г.н, проф. Литовка Олег Петрович (в дальнейшем просто – Петрович).

Об этом примечательном человеке нужно сказать отдельно. Ну, во–первых, он был моим учителем (не столько в науке, как таковой, сколько в трудной науке жизни). Петрович стал доктором географических наук в 42 года (отличный, по тем временам, результат). Он приходил на работу только по понедельникам, средам и пятницам.

При этом, где то к часу дня ему становилось скучно, он уставал и удалялся к себе домой, на Гривцова. Это расписание не могли изменить, практически, никакие события. Если же Петровичу, все– таки приходилось задерживаться на работе после 13.00, он невыносимо страдал и эти страдания отчетливо отражались на его большом и добродушном лице.

В институте Петрович, как доктор наук и завлаб получал 500 рублей (для сравнения, моя зарплата после окончания ЛГУ с красным дипломом составляла 105 рублей). Еще 250 рублей он получал на географическом факультете ЛГУ,

как профессор. При этом лекции читать было совершенно необязательно, достаточно было иметь (в хорошем смысле) пять аспирантов или аспиранток (что само по себе уже приятно).

У Петровича было два замечательных качества, которые, по – видимому, и определили его жизненные успехи: он умел дружить, и он умел приятно проводить время с хорошими (и не очень хорошими) людьми за бутылочкой красного вина (больше любил полусухое).

Меня Петрович уважал и немного побаивался – он никогда не мог понять, как взрослый человек может проводить целый день в библиотеке, да еще что – то постоянно строчить. Однажды, я долго и горячо разговаривал по телефону с Москвой, с А.С. Березнером – главным инженером Гипроводхоза, который был очень недоволен моей позицией по одобренному Партией проекту «поворота северных рек».

Петрович не выдержал и произнес историческую фразу, которая, если бы я был поумнее, могла стать моим девизом на всю оставшуюся жизнь. Он сказал: «хватит доказывать, что Волга впадает в Каспийское море, стол накрыт, люди ждут». Добавить к этому нечего, здесь все сказано. А я вот, неразумный, все доказываю...

Ну хватит о Петровиче, о нем можно говорить бесконечно. Закончу тем, что Петрович – это яркий пример того, как в замечательное советское время можно было сделать карьеру, почти не шагая по головам.

Теперь о других членах чрезвычайной делегации: во – первых это Елена Александровна Иванова – очень важная и благовоспитанная научная дама из ЛНЦ АН СССР. В то время еще довольно – таки молодая и вовсе не чопорная. Тоже умела поддержать хорошую компанию (вроде бы, у нас с ней был даже небольшой околонаучный флирт, но сейчас я уже не уверен).

Далее бравый порученец Петровича, всегда чем то возбужденный м.н.с. (без степени) Юра Самохин – между прочим, он классно играл в футбол. Ну а заместителем главы делегации, конечно, был ваш покорный слуга – молодой и стройный (в ту пору) кандидат экономических наук Евгений Львович Каплан.

Где то в шесть вечера мы сели в поезд, который приходил в славный город Вологду рано утром. По этому поводу я собирался лечь пораньше и хорошенько выспаться перед важными переговорами. Но не тут – то было: как только мы расселись по своим местам, Петрович громко скомандовал: «ну Юра – доставайте».

И Юра достал, так достал, что мне уже заранее стало плохо. Там было: пара бутылок водки, много бутылок вина и еще больше бутылок пива. Юра знал свое дело. На мои робкие попытки отодвинуть попойку хотя бы до прибытия в Вологду, Петрович недовольно сказал: «ну что мне с вами делать Евгений Львович, как же вы не понимаете – мы сели в поезд, еще светло, а вы – спать – нехорошо это, не по человечески».

«Да вы не волнуйтесь, в Вологде мы еще закупились, я угощаю» – продолжал петрович. Дальше было, как обычно, ночь прошла незаметно. С трудом поднявшись утром, я обнаружил, что поезд уже давно стоит в Вологде (видно проводница не решилась побеспокоить таких важных людей).

Я растолкал своих спутников и предложил им, все – таки, покинуть поезд, пока он не ушел в депо. Петрович тяжело поднялся и пошел к выходу, но на перрон спускаться не стал. Я хотел ему как – то помочь, Юра бы не смог, однако Петрович строго посмотрел на меня помятым лицом и значительно произнес: «не торопитесь, Евгений Львович – на местах всегда должны встречать».

Я стал оглядывать пустынный перрон в надежде увидеть оркестр и местного доцента Перепеченко (будущего главу вологодского отделения) с огромным букетом цветов, но вместо этого благородного зрелища увидел толпу пьяных гопников, которые изо всей мочи удирали от милиции и неслись прямо на нас, изрыгая страшные ругательства, совершенно неприличные для нежных ушей Леночки Ивановой.

Так началось наше путешествие.

Рыцарь без страха и упрека

Перечитывая первую часть моего повествования, я подумал о том, что у некоторых моих читателей, развращенных тлетворным влиянием западных ценностей, могут возникнуть нескромные (я бы даже сказал – неприличные) вопросы по поводу Елены Александровны, которая оказалась в сомнительной компании трех пьяных и притом командированных научных сотрудников, среди которых, между прочим, находился и вечно «озабоченный» Самохин.

Не будем забывать, что дело происходило ночью и в отдельном купе. Так вот, я вам, со всей ответственностью, заявляю, что ничего такого не было, да и не могло быть. Вы спросите – а почему не могло? А я вам отвечу – не могло, потому что рядом с ней был Евгений Львович Каплан – настоящий рыцарь без страха и упрека (хотя, если сказать по чести, упреков было более чем достаточно).

Когда попойка была в самом разгаре и приближалась уже к весьма двусмысленному для этой добродетельной и благонаправной женщины моменту, я, собрав остатки угасающего сознания, помог Елене взобраться на верхнюю полку, где она была в полной безопасности, потому что пьяный Самохин по деревьям, а тем более по верхним полкам, не лазает.

Более того, через некоторое время и через несколько стаканов я нашел в себе силы взгромоздиться на другую верх-

нюю полку, где и провел остаток этой бурной ночи громко храпя и охраняя покой безмятежно посапывающей молодой женщины.

Ах, Лена, Леночка – где ты сейчас, читаешь ли ты меня? Впрочем, зачем ворошить прошлое, что было, то не вернешь, лучше уж я взгрустну немного (пока жена спит) за голубым и равнодушным глазом своего верного компьютера.

Но вернемся назад, на вологодский вокзал, к толпе пьяных гопников яростно преследуемых милиционерами. Следует сказать, что гопники были хоть и пьяные, но очень резвые. К тому же они, видно, совсем не хотели провести ближайшие пятнадцать суток в местном отделении, подметая пыльные вологодские улицы.

А милиционеры были уже тогда, довольно таки, упитанными и неповоротливыми, поэтому расстояние между преследуемыми и преследователями скорее увеличивалось, чем сокращалось.

Не знаю – чем закончилась эта трагическая история, потому что на перроне, наконец – то, появился улыбающийся и несколько смущенный доцент Перепеченко со скромным букетом полевых цветов в руках. Впрочем, судя по сильно поредевшей вокзальной клумбе, цветы были не совсем полевые...

А что вы хотите – цветы тогда тоже были в дефиците, не то что сейчас, когда они высовываются из – за каждого угла. А смущенный он был потому, что комфортабельный и

белоснежный лайнер, на котором мы должны были путешествовать по реке Сухоне и Кубенскому озеру, перехватил не больше, и не меньше, как заместитель Министра водного хозяйства СССР, которому, видно, тоже захотелось попутешествовать в эти жаркие летние денечки.

Однако Перепеченко заверил нас, что он все устроит, усадил в свои потрепанные красные жигули и немедленно повез на встречу с первым секретарем вологодского обкома партии (как его величали, ей богу не помню, да и не важно).

Надо сказать, что в те времена «столичные» ученые были в большом почете, и в такой встрече не было ничего необычного, тем более (не забудьте!), что речь шла о создании вологодского филиала Института социально – экономических проблем АН СССР.

Не помню уж, о чем мы там говорили, но только наша делегация после этой ужасной ночной попойки была, по – видимому, недостаточно убедительной. Да и Леночка Иванова совершенно не успела покраситься и, вообще, привести себя в божеский вид. Словом, забегая вперед, Вологодский филиал так и не был создан, а доцент Перепеченко так и не стал его директором.

Но тогда он этого еще не знал и повез нас знакомиться с Вологдой (к слову город, основанный в 12 веке прекрасно сохранился и был очень хорош), а затем в речной порт. По приезде в порт, Перепеченко куда то озабоченно удалился с внушительной кипой гербовых бумаг и очень долго отсут-

ствовал – оказалось что начальство очень не хотело выдать ему даже грузовой буксир (видно предчувствовали – чем мы там будем заниматься).

Это тоже тогда было – с одной стороны благословение первого секретаря обкома, а с другой слегка поддатый и очень производственно озабоченный начальник порта, которому наплевать на всех, включая первого секретаря.

Тем не менее, когда мы, изнывая от жары и жажды (а также, должен признаться, от изрядной головной боли) уже не надеялись ни на какое путешествие по медленно текущей и желтой от глины Сухоне, появился торжествующий доцент Перепеченко

Вернее появился черный и, довольно таки, ржавый речной буксир (по – видимому, давно списанный), а на нем уже торжествующий доцент Перепеченко. Так началась главная часть путешествия, в котором нас ожидало множество увлекательных и опасных приключений.

Сухона

Настал волнующий момент, когда наш могучий буксир – толкач, вспенивая желтую речную воду, отчалил от пристани и устремился вперед, навстречу приключениям. И они не заставили себя ждать.

Надо сказать, что Юра Самохин был страстен во всем, в том числе и в рыбалке, поэтому, как только мы вышли на середину реки, он быстро расчехлил свой выдавший виды спиннинг, нацепил первую попавшуюся блесну и размахнулся, чтобы сделать первый заброс.

Здесь я позволю себе немного отвлечься – дело в том, что бросать спиннинг с борта идущего полным ходом судна, да еще посреди реки, совершенно бессмысленно, так рыбу не ловят. Поэтому я склонен думать, что Самохин таким образом просто хотел покрасоваться перед Петровичем и, конечно же, перед прекрасной Еленой, тем более что она несколько смущала его своей строгостью и неприступностью.

Ну, если Юра хотел привлечь к себе внимание публики, то это ему, несомненно, удалось, потому что блесна просвистела буквально в миллиметрах от уха профессора Литовки, который безмятежно шурился на щедрое вологодское солнышко и глубоко ушел в свои (надо думать) географические размышления.

Впоследствии выяснилось, что он обдумывал чрезвычай-

но важную для развития мировой физической географии проблему – почему в каждое озеро втекает множество рек, речек и ручьев, а вытекает только одна река, если, вообще, что – то вытекает (кстати, этот вопрос мучает меня до сих пор, но опровергнуть это выдающееся открытие профессора Литовки я так и не смог, хотя обследовал уже не одну сотню озер).

Получается, что жизнь этого маститого ученого висела, как говорится, на волоске, но все, слава богу, обошлось, только белоснежная фуражка профессора, которая была ему бесконечно дорога, как память о прежних путешествиях, стремительно унеслась вдаль вместе с блесной.

Юра побледнел (наверное, он подумал, что его научной карьере пришел конец) но быстро справился с волнением и героически выудил из речной пучины фуражку профессора, несмотря на бешеное сопротивление бурного речного потока (почему я и говорил, что с борта быстро идущего судна ловить не только бесполезно, но даже и глупо).

А ведь могло случиться непоправимое – леска могла не выдержать и профессор Литовка навсегда лишился бы своей любимой фуражки, а Самохин своей почетной должности младшего научного сотрудника с окладом в 120 рублей.

Но больше всего меня в этой героической истории поразила невозмутимость профессора – ни один мускул не дрогнул на его обветренном и мужественном лице. Видно юрина блесна – это далеко не первое, что пролетало у виска Пет-

ровича (говорят, его супруга отличалась очень крутым нравом).

Итак, Петрович строго и невозмутимо посмотрел на Самохина и вежливо попросил его больше так не делать. Самохин, обеспокоенный перспективой списания на берег без выплаты командировочных, поклялся, что больше никогда не возьмет в руки спиннинг и, для убедительности, тут же зачихлил его обратно.

Вы, конечно, понимаете, что Леночка была очень взволнована этим происшествием, и я отметил про себя, что здоровая бледность ей очень к лицу (в отличие от той, не совсем здоровой бледности, которую я видел по прибытию в Вологду).

Через некоторое время мы решили отобедать и спустились в кубрик по довольно – таки опасной, как оказалось впоследствии, железной лесенке. Кубрик был тесный, но вполне уютный. Там имелись две пары железных двурусных нар (наподобие тех, которые показывают в криминальных сериалах) и маленький откидной железный же столик, тоже наподобие.

Кроме того впереди имелась еще крохотная каютка с двумя кроватями (по – видимому, для команды). Тут самое время сказать о ее составе: команда судна состояла из бравого, бывалого капитана, лет сорока на вид, и совсем молодого матросика, который очень стеснялся нашей ученой делегации (боюсь, что до этого он видел таких солидных академи-

ческих ученых только по телевизору).

Впоследствии мы очень подружились с командой корабля, чему немало способствовало большое (сейчас даже трудно представить, насколько большое) количество выпитой водки. Надо сказать, что, несмотря на сделанные Самохиным в Вологде аномальные запасы этой зловердной жидкости, она удивительно быстро кончилась, потому что моряки употребляли ее еще в более аномальных количествах.

Мы впали было в уныние, но капитан, широко и хитро улыбаясь, вытащил из под нижних нар еще ящик с весело звенящими бутылками, которых хватило уже до самого конца, тем более, что употребляли мы не только водку, но и более изысканные, винные напитки. В последние дни к ним пристрастились и наши храбрые моряки.

А буксир, между тем, неустанно мчался вперед, где нас ждал славный и древний русский город Тотьма...

На родине предков

Между тем наступил вечер и надо было подумать о ночлеге. Запасливый доцент Перепеченко взял с собой пару палаток, но берег был глинистый и очень высокий, поэтому мы решили ночевать на нашем любимом буксире. Главным и, как оказалось, весьма пикантным вопросом стал вопрос о том, кто будет спать в той самой двухместной каморке.

Понятно, что Леночку надо было избавить от ужасов ночевки в кубрике с тремя громко храпящими (и не только) мужиками. Тем более, что матросы, которые с огромным трудом сдерживали нецензурную речь во время ужина, ночью, во сне могли и не устоять.

Оставалось решить – кто будет вторым. Возникла неловкая и двусмысленная пауза. Но все, как обычно, решил профессор, который скромно заявил, что он уже совершенно не опасен и готов составить компанию Елене Александровне. Леночка несколько разочарованно согласилась.

Если вы запомнили, на корабле было шесть коек, а нас с Перепеченко было семеро. Я не совсем понимаю – как мы разместились, но Перепеченко ночью я не помню. Впрочем, ночи были теплые и, наверное, он спал на палубе. Получается, что контролировать его перемещения мы не могли и в дальнейшем, как вы увидите, это сыграло с нами злую шутку.

В целом, ночь прошла спокойно, поскольку вокруг было совершенно пустынно, а главное что поблизости не было пионерских лагерей. При чем здесь пионерские лагеря? Скоро вы узнаете причем. Итак, утром мы проснулись – бодрые и довольные жизнью, мотор весело затарахтел и корабль помчался вперед, к Тотье.

Надо сказать, что Тотья – это родина моего любимого деда – Моисея Исааковича, семья которого до революции мирно проживала в вологодской губернии, за чертой оседлости. Теперь вы понимаете, что встреча с этим тихим провинциальным городком имела для меня особое значение.

Мы решили провести в Тотье, по меньшей мере, полдня и по прибытии отправились осматривать местные достопримечательности. При этом Петрович сразу заявил, что у него особая программа знакомства с городом и он предпочитает осуществить ее в одиночку.

Мы несколько удивились, потому что Петрович по натуре был человек весьма компанейский, но перечить профессору не посмели. Однако, следуя его примеру, мы с Леной тоже заявили, что будем осматривать Тотью вдвоем, без Самохина, который с мрачным видом отправился искать самые темные и злачные места этого уездного городка.

Ну что вам сказать о Тотье? Я очень люблю такие маленькие, уютные деревянные городки, укутанные крепким провинциальным сном, над которыми не властны войны, революции и прочие мировые потрясения. Там было тихо, бла-

гостно и спокойно.

Мы медленно бродили по узким и кривым улочкам, взявшись под руку, и несуетно говорили обо всем – о науке, о жизни, об очаровательных особенностях русского деревянного зодчества. Именно там, в Тотьме я обнаружил, что у нас с Леной, практически, совпадают взгляды на окружающую действительность.

Правда, сейчас я уже не помню – в чем именно заключались эти взгляды, но точно помню, что они совершенно совпадали. Я увидел в этой женщине замечательное и чрезвычайно редкое сочетание интеллигентности и простоты, которое, сказать по правде, больше никогда не встречал.

Откровенно говоря, я всю жизнь метался между этими двумя жизненными полюсами и, в конце концов, отчаявшись, женился на молодой медсестре (правда, это был не совсем первый брак). А ведь все могло быть по другому, если бы я тогда, все – таки, решил для себя главный вопрос – нравится мне Леночка, или нет.

Впрочем, она и сама могла решить этот роковой вопрос, но не решила, и вот теперь вы можете видеть результат – посмотрите в кого я превратился: эта сытая, самодовольная физиономия, на которой особо крупными буквами написана [159 статья УК РФ](#).

Да что там говорить – я полюбил пиво и сквернословие, я почти двадцать лет не был в филармонии, но не будем о грустном (я уже вижу, как на глаза моих преданных чита-

тельниц наворачиваются искренние слезы, в отличие от презрительно ухмыляющихся читателей). Давайте же вернемся на тихие улицы Тотьмы.

Наша прогулка подходила к концу, когда на пути к пристани мы, наконец, увидели небольшой, но уютный продуктовый магазин. Намереваясь пополнить наши оскудевшие припасы, мы с Леной решили заглянуть в эту провинциальную лавку.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели там (разумеется, у винного отдела) Петровича, который весьма обстоятельно обсуждал с немолодыми, но довольно кокетливыми продавщицами достоинства и недостатки представленных напитков.

По – видимому, именно это сакральное действо и было причиной для столь удивившего нас уединения профессора. Петрович вначале пытался нас «не узнать», но магазинчик был слишком мал, и ему это не удалось.

Не успели мы поздороваться с Петровичем, как в дверях показалась недовольная физиономия Самохина (видно, он так и не нашел в этом благопристойном городке никаких значных мест кроме этого продуктового магазина).

Самохин решительным шагом направился к винному отделу и мы, наконец, воссоединились.

Кубенское озеро и трудности кораблевождения

Как известно, река Сухона впадает в Кубенское озеро – самое большое в вологодской области. Неудивительно, что именно там мы и оказались через несколько часов ходу от Тотьмы. Озеро это очень большое – целое море, даже берегов не видно, но нашей отважной команде нужно было его пересечь из края в край.

Наш старый буксир бодро разрезал крутую озерную волну и мчался вперед – к далекому северному берегу. Впереди нас ждало немало увлекательных и, порою, опасных приключений. Первое из них случилось километрах в десяти от берега, и главным героем его, конечно же, стал ваш покорный слуга.

Но обо всем по порядку: вечерело, и мы сели поужинать, как всегда, в тесном, но уютном кубрике. Наш маленький откидной железный столик был заставлен нехитрой закуской и, разумеется, изрядным количеством бутылок с водкой. Выпили за прощание с Сухоной, потом за встречу с Кубенским озером, потом за присутствующих здесь дам, потом за отсутствующих, потом уж не помню за что...

В общем, нам было уже хорошо. Однако я, как обычно, сохранял аналитическое направление мыслей, воспитанное

долгими годами пребывания в сугубо научной среде. И вот это самое аналитическое направление подсказало мне, что вся команда, то есть и матрос, и капитан присутствует за товарищеским, так сказать, ужином.

И не просто присутствует, но и активно потребляет тушенку и горячительные напитки. Далее у меня, естественно, возник вопрос – а кто же управляет кораблем, который резво скачет по волнам Кубенского озера? Нужно, ради справедливости, сказать, что ни у кого из прочих участников (назовем, наконец, вещи своими именами) попойки этот вопрос почему – то не возникал.

Вот это и есть нормальный, правильный взгляд на жизнь – корабль плывет себе, и пускай плывет. А куда он плывет, почему он плывет, зачем он плывет – людям дела нет, им хорошо, а остальное никакого значения не имеет. Но я не таков – мне до всего надо докопаться (за то и страдаю, можно сказать, всю жизнь).

Итак, я, слегка пошатываясь, встал из-за стола (чего остальные путешественники, увлеченные живой беседой и взаимной симпатией, совершенно не заметили) и направился напрямик в рулевую рубку. По дороге мне некстати вспоминались многочисленные и леденящие кровь истории о зловещих кораблях – призраках, веками бороздящих суровые моря и океаны.

Наконец я (не без труда) добрался до рубки и моим глазам предстало удивительное зрелище – посередине стоял совер-

шенно обыкновенный стул, которым и был наглухо заклинен штурвал, направляющий наш корабль !!!

Вот она народная смекалка, вот они наши морские, точнее, речные «левши»! Матрос не дурак – он не желает пропускать теплый «товарищеский ужин», да еще с участием очаровательной столичной дамочки! Он, с помощью обыкновенного стула, задал кораблю верный курс и с удовольствием поднимает новоявленные тосты за отсутствующих дам.

И тут мне стало немного обидно – значит, какой – то деревянный стул может управлять кораблем а я, кандидат экономических наук – не могу? Нет, так не пойдет – я решительно отодвинул стул и с увлечением принялся крутить штурвал туда – сюда, как это всегда показывают в приключенческих фильмах про моряков.

Надо сказать, что я очень гордился собой и своим, можно сказать, героическим подвигом. Они там, в тепле наслаждаются горячительными напитками и приятной беседой, а я здесь один, посреди бушующей стихии смело веду корабль к заветной цели!

Однако все это продолжалось недолго – через десять минут в рубку влетел разъяренный матрос и, осыпая меня грубой морской (или речной – черт его знает), но очень забористой бранью заявил, что я веду корабль прямо на правый берег, куда нам совсем не нужно и, вообще, там очень мелко.

Я с большим трудом успокоил матроса, признался в пол-

ном отсутствии каких – либо навыков кораблевождения, и не только. Он проникся ко мне дружеским сочувствием, мы тепло обнялись, поставили стул на место и вернулись к столу.

О пользе и опасностях утренней физзарядки

После волнительного происшествия с деревянным стулом (которое убедительно доказывает, что в СССР эксперименты по роботизации судовождения проводились еще в 80–ые годы прошлого столетия), мы прошли еще с час по утихающим волнам Кубенского озера. Между тем начинало темнеть, но до берега было еще далеко.

Перед нашим отважным капитаном встал трудный вопрос – дело в том, что доверить стулу управление кораблем в полной темноте было очень рискованно, а матрос, переживший (не без моего участия) сильнейший стресс и обильно заливший его водкой, тоже не мог управлять судном.

То есть управлять то он, конечно, мог но не мог стоять на ногах. Можно было посадить его на тот самый стул, и вдвоем они, пожалуй бы и справились, но капитан решительно заявил, что такая диспозиция не предусмотрена морским уставом и, вообще, моряки управляют стоя, или совсем не управляют.

Однако, через некоторое время он все – таки нашел выход из этой трудной ситуации и предложил бросить якорь и заночевать прямо посреди озера, благо ветер стихал и бури не предвиделось. Все с облегчением согласились, но тут оч-

нулся доцент Перепеченко.

Он оторвал голову от стола с закусками и заплетающимся языком заявил, что по утрам всегда делает зарядку, а палуба нашего буксира для этих целей совершенно не подходит потому, что он заканчивает зарядку пробежкой. Капитан крепко выругался, взял судовой фонарь и вышел на палубу.

Через минуту он вернулся и сообщил, что видел неподалеку от корабля остров, где Перепеченко сможет утром сделать свою чертову физзарядку. Однако доцент уперся и заявил, что не всякий остров подойдет ему для зарядки, и он должен все опробовать с вечера. Капитан выругался еще крепче, но дал задний ход и подошел к злополучному острову. Понятно, что мы наблюдали за всем происходящим со скрытым негодованием и большим любопытством.

Между тем капитан спустил трап и Перепеченко тяжело сполз по нему на «твердую землю». Он пересек островок, потопал ногами и неожиданно для всех сделал несколько весьма уверенных физкультурных движений в стиле первых сталинских парадов.

Это был, по – видимому, уже перебор потому что остров (оказавшийся плавающим и торфяным) начал медленно погружаться в темную пучину озера, увлекая за собой обомлевшего доцента. Перепеченко метнулся к трапу, но было уже поздно – остов сильно накренился и презрительно сбросил доцента в воду.

Перепеченко замахал руками, поднимая тучу брызг, и ис-

тошно завопил (впоследствии выяснилось, что он не умеет плавать). Я, как наиболее трезвый среди присутствующих, схватил тяжеленный красно – белый пробковый круг, с трудом перевалил его за борт и, напрягая все силы, бросил его (как это всегда показывают в кино) прямо на Перепеченко.

Оглушенный доцент камнем пошел на дно. Я понял, что совершил непростительный промах, который может стоить жизни этому восходящему светилу вологодской экономической науки, и приготовился броситься в воду, на ходу воображая, что этот мужественный поступок может представить меня в самом выгодном свете в глазах очаровательно побледневшей Леночки Ивановой.

К сожалению, капитан не дал мне совершить это беспримерный подвиг, поскольку от вечерней прохлады и диких воплей Перепеченко он уже порядочно протрезвел и, ловко размахнувшись, бросил запасной спасательный круг рядом с вновь появившейся на поверхности головой несчастного доцента.

При этом он сердито бормотал себе под нос, что так бросают спасательные круги только кандидаты наук, и притом экономических.

Переченко, наконец – то, уцепился за спасательный круг и даже благодарно положил на него ушибленную голову. Тронутые этой сценой, мы быстро спустили аварийную шлюпку и через пару минут насквозь промокший и обессиленный доцент Перепеченко был уже на палубе в объятиях

друзей.

Мы переодели его в сухую одежду, дали неизменный стакан водки и бережно уложили на любимое место за рулевой рубкой. Вскоре безмолвные просторы Кубенского озера огласил богатырский храп нашего незадачливого физкультурника.

Коварный доцент

Учитывая все опасности, связанные с ночевкой «в открытом море», следующую ночь мы решили провести, причалив к берегу. Собственно говоря, причаливать было некуда, и наш резвый буксир, хорошенько разогнавшись, просто вылез носом на пологий берег.

Надо сказать, что место для ночевки выбрал доцент Перепеченко, важно заявив, что он хорошо знает эти места. Если бы и мы знали – что скрывается за этими словами!

Но давайте по порядку: все начиналось хорошо – был обычный «товарищеский ужин» в кубрике, главной темой которого, разумеется, стало чудесное спасение Владимира Перепеченко из мрачных глубин Кубенского озера, поглотивших много доцентов и любителей физзарядки.

При этом было произнесено немало здравниц в честь отважного капитана судна, чье мужество и решительность сыграли весьма важную роль в счастливом завершении этой ужасной истории.

На меня же доцент Перепеченко поглядывал с большим недоверием, и совершенно напрасно – ведь я же первым метко бросил спасательный круг, и не моя вина, что Перепеченко не успел куда ни – будь спрятать свою рыжую голову!

Выпив пару – тройку стаканов водки за свое здоровье, доцент отправился спать, как всегда, на палубу. Однако, как

выяснилось впоследствии, в душе его зрели коварные планы, которые едва не погубили всю нашу команду.

Теперь представьте себе глухую, темную вологодскую ночь. Уставшая от товарищеского ужина команда мирно спит, даже не выставив часовых. Да и зачем они в этих совершенно безлюдных (как заверил доцент Перепеченко) местах.

Да, редко когда еще я так крепко и сладко спал, разве что в далеком детстве... Проснулся я от страшного грохота, как будто какой-то великан молотил огромным молотом по стальному борту нашего корабля.

Ничего не соображая спросонок, я выскочил на палубу, готовясь принять неравный бой и дорого продать свою жизнь, защищая уважаемого профессора и, разумеется, честь Леночки (что такое деревенская молодежь я знал еще по студенческой «картошке»).

Уже светало, в предрассветных сумерках я разглядел крепкого старика, который изо всех сил молотил деревянной клюкой по носовой части нашего судна. Я спросил – что ему от нас нужно, и почему он потревожил наш сон?

В ответ старик разгневанно показал на корму, где трусливо спрятался... доцент Перепеченко! К этому времени на палубу уже вышел заспанный и очень недовольный всем происходящим профессор Литовка и, как всегда бодрый и решительный, капитан корабля.

Вместе мы представляли, довольно таки, грозную силу и

старик несколько успокоился. Тем не менее, он потребовал немедленной и безоговорочной выдачи доцента Перепеченко, который, по его словам, совершил дерзкое разбойное нападение на соседний пионерский лагерь.

Зная плутоватого доцента Перепеченко, в это нетрудно было поверить, но мы, посоветовавшись, твердо решили, что с буксира выдачи нет! Тут надо отдать должное мудрому профессору Литовке, который был близок к народу, потому что всегда проводил лето не где ни – будь на чуждых нам Канарах, а в родной русской деревне Гусли.

Профессор пригласил могучего старика подняться на палубу, заверив, что мы не причиним ему никакого вреда и предложил обсудить сложившуюся непростую ситуацию за стаканом водки. Услышав о стакане, старик сразу же смягчился и, хорошо отхлебнув «зеленого вина», поведал нам эту страшную историю (подлый Перепеченко все это время испуганно жался к кормовой мачте).

Оказывается, прошлым вечером в пионерском лагере, как обычно по субботам, происходили танцы, на которых невинные пионерки бесхитростно заигрывали с не менее невинными пионерами (не забывайте, что это было тридцать с хвостиком лет назад).

И вот в этот, можно сказать, беззащитный телятник (или лучше сказать, «пионерник») коварно проник «волк в овечьей шкуре» – доцент Перепеченко, который начал цинично приставать к старшим и наиболее созревшим пионеркам, и

даже к пионервожатым.

Однако, девушки пионервожатые, выросшие в этих малонаселенных и, практически, лишенных молодого женского пола местах, не растерялись и быстро обратили в бегство похотливого доцента.

В погоню был отправлен знакомый вам дед, который оказался сторожем лагеря. Дальнейшее вам уже известно. Глубоко возмущенные тяжким проступком доцента Перепеченко, который, безусловно, опозорил высокое звание советского ученого, мы, все – таки, решили дать ему шанс начать новую, честную жизнь.

Но что делать с разгневанным сторожем? И тут капитан, хитро подмигнув, налил старику второй стакан, после которого дед окончательно смягчился и даже проникся некоторым сочувствием к несчастному доценту Перепеченко, вспомнив свои молодые годы, когда он тоже «ходил по девкам», да еще как!

Мы обещали сурово наказать Перепеченко, лишив его «винного довольствия» до конца экспедиции. Старик просил пощадить парня, но мы были непреклонны.

В конце концов, мы расстались друзьями и сторож, прослезившись, пригласил нас всех на обратном пути посетить вверенный ему пионерский лагерь, сказав, что общение с такими знающими и хорошими людьми, несомненно, будет способствовать воспитанию подрастающего поколения.

Немного помолчав, он попросил нас, все – таки, не брать

с собой доцента Перепеченко.

Петрович – гроза ершей

На выходе из Кубенского озера мы зашли в небольшой порт, чтобы пополнить запасы топлива. Стоянка получилась довольно – таки длительная, солнце нещадно припекало, делать было нечего, Петрович скучал.

Но тут капитан вспомнил, что в этом месте здорово клюют ерши (вероятно, их привлекает запах мазута). Надо вам сказать, что ерш – рыба мелкая и неказистая, однако уха их ершей просто великолепна – если не пробовали, очень рекомендую.

Петровичем тут же овладел охотничий азарт и он выжидающе посмотрел на Самохина. Юра, как всегда, оказался на высоте – он, не теряя времени, вытащил из своего потрепанного рюкзака набор за 20 копеек (а – ля «юный рыболлов», с неизменным круглым красно – белым поплавком), выломал длинный прут из ближайшего куста и через десять минут удочка для профессора была готова.

Петрович с сомнением посмотрел на эту нехитрую снасть, но потребовал червей. С червями было совсем плохо – кругом одна пыль, которую черви, как известно, совсем не любят. Однако Юра и тут не растерялся – он энергично перевернул несколько старых, подгнивших досок и с гордостью протянул профессору пару хилых и бледных портовых червяков.

Петрович важно нацепил первого червя на крючок и забросил удочку прямо с борта буксира. Не успел красный поплавок коснуться воды, как тут же ушел в глубину. Впечатление было такое, что клюнула какая – то огромная рыба.

Петрович сделал мощную подсечку и первый ерш, размером с палец, как ракета вылетел из воды. Он был торжественно помещен в корабельное ведро для помывки палубы и рыбалка продолжилась. Клев был просто сумасшедший – ерши вылетали из мутных глубин Кубенского озера один за другим.

Петрович был в восторге, тем не менее, он не терял выдержки и, по профессорской привычке, методично подсчитывал ершей. Однако, где – то на двадцатом, или тридцатом ерше на крючке не осталось даже каких – либо следов от несчастных портовых червей.

Петрович требовал продолжения удачной рыбалки, Юра был в отчаянии – его научная карьера буквально висела на волоске. В этот критический момент мне пришла в голову спасительная мысль – а не будут ли обезумевшие ерши хватать крючок без приманки. Крючок ведь тоже похож на червя, к тому же очень заманчиво поблескивает в темной воде.

Я высказал эту мысль вслух, и Юра посмотрел на меня с робкой надеждой. Петрович засомневался и заявил, что этот эксперимент совершенно не обоснован с научной точки зрения, ибо рыба питается именно червями, а не крючками, однако Леночка, проникшаяся трогательным сочувствием к

Юре, посмотрела на профессора таким умоляющим взглядом, что он согласился попробовать.

Теперь все с опасением и надеждой смотрели на поплавок. И чудо произошло – он стремительно ушел вниз. Изгодававшиеся ершивопреки всем научным доводам и постулатам, как бешеные, хватали голый крючок.

Изумленный профессор вытаскивал их после каждого заброса. Восторгам невзыскательной местной публики не было конца. На сто тридцать втором ерше необычайная рыбалка была прервана появлением капитана, который объявил, что корабль полностью заправлен и готов к отплытию.

Петрович уже порядком устал и не возражал – все его рекорды, все равно, уже были побиты. Леночка почистила картошку (ершей чистить, как известно, невозможно). Мы завернули рыбу в марлю и сварили замечательную сладкую уху.

Вечером был грандиозный банкет в честь беспримерного спортивного подвига профессора Литовки. По случаю банкета была объявлена амнистия, под которую попал и развратный доцент Перепеченко, которому даже налили штрафной стакан водки (в надежде, что он даст нам поспать хотя бы в эту ночь – после последнего происшествия всем уже везде мерещились пионерские лагеря).

Отвальная

Итак, мы вышли из Кубенского озера в знаменитый Беломоро – Балтийский канал, по которому величественно проплывали огромные сухогрузы и танкеры. По сравнению с этими «настоящими» судами наш черный буксир казался просто детским, игрушечным корабликом.

Конечной целью нашего путешествия был Кирилово – Белозерский монастырь, но перед ним нам предстояла еще одна, последняя ночевка. Разумеется, накануне должен был состояться грандиозный завершающий банкет, которого я ожидал с некоторым опасением.

Собственно говоря, после всего того, что с нами было, опасаться, вроде бы, уже ничего не приходилось, но я всеми своими натруженными печенками чувствовал, что просто так это закончиться не может.

День был светлый, тихий и солнечный, солнце уже садилось. Капитан предложил немного отойти от фарватера, бросить якорь и отужинать, но Петрович с возмущением отклонил это, несомненно, разумное предложение, сказав, что «отвальная – это дело святое» и он не может праздновать по – человечески, когда «над головой проплывают эти огромные баржи».

Капитан, уже привыкший к причудам маститого ученого, понимающе, но несколько саркастически кивнул и направил

буксир к берегу. Корабль послушно уткнулся носом в обрывистый берег и довольный Петрович дал команду накрывать на стол.

Разумеется, эта привычная команда была немедленно выполнена и через десять минут маленький приставной столик густо покрылся бутылками и немудреными походными закусками. Мы разлили по перовому стакану, и профессор встал, чтобы произнести один из своих замечательных тостов.

Я умиротворенно подумал – неужели на этот раз пронесет? И в этот самый момент на наш несчастный кораблик обрушился страшный удар, как будто какой – то злобный и огромный великан опустил на него свою сокрушительную палицу.

Все участники злополучного банкета полетели в разные стороны, бутылки и яства разметало по кубрику. В воздухе повис густой морской мат, среди которого единственными понятными словами были: «я же говорил...».

Вы, наверное, догадались, что нас настигла большая волна от проходящего сухогруза, которая на мелкой воде высоко подбросила буксир и со страшной силой шарахнула его об обрывистый берег. Нечего и говорить, что банкет был безнадежно испорчен, и единственным утешением послужило лишь то, что это было уже наше последнее приключение.